

«Я, ИНКВИЗИТОР».

ЦИКЛ О МОРДИМЕРЕ МАДДЕРДИНЕ

СЛУГА БОЖИЙ

МОЛОТ ВЕДЬМ

МЕЧ АНГЕЛОВ

ЛОВЦЫ ДУШ

JACEK
PIEKARA

ŁOWCY
DUSZ

Lublin

ЯЦЕК
ПЕКАРА

ЛОВЦЫ
ДУШ

fanzon

Москва
2022

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
П24

Jacek Piekara
ŁOWCY DUSZ

Copyright © 2006 by Jacek Piekara
Публикуется с разрешения автора
и при содействии *Владимира Аренева*
Cover illustration © Dark Crayon

Иллюстрация на обложке *Петра Цеслинского*
Fanzon благодарит *Анну Блейз* за помощь в переводе книги.

Пекара, Яцек.

П24 Ловцы душ / Яцек Пекара ; [перевод с польского
С. Легезы]. — Москва : Эксмо, 2022. — 448 с.

ISBN 978-5-04-154425-6

Прошло полторы тысячи лет с тех пор, как Иисус сошел с креста, залил град Иерусалим кровью врагов и язычников и завоевал Римскую империю. Око за око, зуб за зуб. Не мир, но меч.

Судьба направляет раба Божьего Мордимера Маддердина, инквизитора Его Преосвященства епископа Хез-хезрона, в императорскую столицу, где он попадет в самую гущу политических интриг. Он посетит замок магната, обвиняемого в совершении демонических ритуалов, и примет участие в крестовом походе Светлейшего Господа против еретиков. Он встретит девушку с татуированными знаками змеи и голубки и сопроводит ее ко двору барона-вампира, который был свидетелем распятия Иисуса.

Как поступит Мордимер, когда ему откроется величайшая тайна христианской веры?

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

© С. Легеза, перевод
на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-154425-6

ЛОВЦЫ ДУШ

Ибо между народом Моим находятся нечестивые; сторожат, как птицеловы, припадают к земле, ставят ловушки и уловляют людей.

Книга пророка Иеремии 5:26

— **С**нял одежды, влез на стол, насрал Светлейшему Государю на поднос с фруктами и пожелал приятного аппетита, — произнес Риттер, будто всего лишь сообщал, что вчера была чудесная погода.

Я молча уставился на него.

— Вы пьяны, — решил наконец.

— В-верно. — Риттер поднялся с лавки, с трудом сохраняя равновесие. — Признаюсь искренне — пьян! Но примите во внимание: нелегко оставаться трезвым, если пьешь третий день!

— То есть вы эту историю придумали?

— Я пил, — гордо сказал Риттер. — Пью, — он ткнул в кубок. — И буду пить, — пообещал с еще большей гордостью. — Но это — святейшая правда. Помяните мое слово, завтра весь город станет об этом судачить. Обвинят его в оскорбительном преступлении величества.

— Преступном оскорблении величества, — поправил я. — Весьма остроумно, приняв во внимание, что преступление сие имеет место, если величе-

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

ство решит, что оно оскорблено. Проще простого. Но в этом случае наказание и вправду...

— А я о чем! — мой товарищ рассмеялся, тряся козлиной бородкой. Осушил кубок до дна. Громко рыгнул. — У императора как раз гостили послы польского короля. Представляете?

Я и раньше немало слышал о поляках, а также о том, сколь большое значение они придают правилам этикета и иерархии во время официальных приемов. И если бы они сочли, что некто отнесся к ним снисходительно или унижил их достоинство, — могли сделаться чрезвычайно неприятными. Ибо кто, как не король Владислав, приказал четвертовать пять тысяч жителей Гданьска, которые слишком поздно уразумели, что, если не впустить в городские ворота польскую армию, она может воспринять это как неуважение? Поэтому я не думаю, что конфуз, случившийся на глазах у польских послов, повисил престиж Светлейшего Государя.

— Или император снимет его с должности и поместит под стражу, — сказал я, — или мы можем забыть о договоре.

— Канцлера? — Риттер широко распахнул глаза. — Вы же не думаете...

— И так плохо, и эдак — не слава богу, — покачал я головой. — Если император его простит, поляки посчитают, что владыка — слабый человек без чести, и вернутся к своему королю с донесением, составленным именно в таком духе. А вы ведь знаете, как мы в них нуждаемся.

ЛОВЦЫ ДУШ

— Королевство трех морей... — рыгнул Риттер.

— Да бес с ними, с теми морями. Важнее, что у поляков есть армия, которая хочешь не хочешь, а стоит на страже наших восточных границ. Но, если император велит наказать канцлера, будут проблемы с Теттельбахом, Фалькенгаузенем, Нойбахером и бог знает с кем еще... Даже домашний арест и принудительная докторская опека канцлера могут показаться им неприемлемыми.

— Я его не понимаю, — покачал головой Риттер. — И это меня сильно злит!

— Канцлера или Светлейшего Государя?

— Естественно, канцлера, — пожал он плечами, будто дивясь моей несообразительности.

— И отчего же?

Он вылил в кубок остатки вина из кувшина и с печалью заглянул в опустевший сосуд. Вдохнул. Внезапно позади кто-то раскричался, и мы, оглянувшись, увидали крупную тетку с мясистым красным лицом и восторженными волосами. Она тащила за ухо доброго господина, напоминавшего перепуганную крыску. Собственно, женщина и надрывалась, зывая ко всем силам небесным и адовым, чтобы прибрали от нее «этого пьяницу, которого и законным супругом назвать-то — позор».

— С ноги ее, с ноги! — оживился на миг Риттер, но, видя вытаращенные от страха глаза мужчины, только вдохнул. Опять повернулся ко мне: — Как поэт, драматург и писатель, я обязан понимать тайны человеческой души и законы, людьми управля-

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

ющие. Ведь вы и сами знаете: чтобы описать природу, сперва необходимо познать механизмы, ею управляющие. Но в этом случае с канцлером... — он покачал головой. — Здесь я совершенно бессилен.

— Как и всякий, кто окажется пред лицом безумия, — утешил его я.

— Слава богу, что я пока в силах распознать хотя бы звуки струн, движущих сердцем женщины, — сказал он невпопад и снова заглянул в кувшин, тщетно надеясь, что его содержимое чудесным образом обновилось. — Не угостите ль меня еще, господин Маддердин?

— Угощу, — вздохнул я. — Ибо что же с вами поделаешь.

Он искренне рассмеялся.

— Всегда знал, что вы добрый человек, — сказал, склоняясь ко мне. — Только с женщинами как-то у вас не складывается... — добавил.

— Такова уж моя судьба, — ответил я спокойно. — Зато радуюсь, что у вас подобного счастья — за нас двоих.

— Это верно, это правда, — подтвердил он безо всякой ложной скромности и потряс указательным пальцем. — Если б вы знали, сколь полезно быть человеком искусства, осиянным славой и уважением...

— Это, стало быть, вы о себе? — прервал я его.

— Вот здесь вы угадали, — рассмеялся он снова, не ощутив иронии в моем голосе. — Сияние

ЛОВЦЫ ДУШ

моей славы влечет женщин, словно огонек свечи — ночных бабочек. — Он снова проверил пустой кувшин. — Вы собирались заказать еще, — сказал обвиняющим тоном.

Я встал и махнул корчмарю.

— Еще раз того же самого, — приказал, а тот усмехнулся, показывая гнилые зубы.

Я же вернулся к Риттеру, который выбивал пальцами по столу нервную дробь.

— Уж как начну — перестать не в силах, — буркнул он недовольно и покачал головой. — Что ж поделать, коли талант требует, дабы его подстегивали спасительной влагой.

— И много ль вы написали в последнее время, так вот подстегнутые? — спросил я саркастично.

— Пока мне хватает и простого полета творческой мысли, — ответил он высокомерно, глядя куда-то вверх, словно желал узреть на прогнившем, закопченном потолке корчмы музу. — Но поверьте, вскоре я соберу богатый урожай от посеянных зерен моего таланта... И тогда знайте, — снова воздел палец, — что я не забуду о вас.

— Сердечно благодарю, — пробормотал я.

— Да-да, никто не скажет, что Хайнц Риттер забывает о друзьях. Представьте, какое я обрету влияние, став императорским драматургом! А сколько женщин... — задумался он, усмехаясь сам себе.

— Я-то полагал, что вам любовных приключений хватает.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Женщин никогда не бывает много, господин Маддердин, — ответил он поучающе. — Такова уж наша мужская природа, коя требует от нас ронять семя в плодотворные лона. Ибо — вот одаряете вы своей любовью светловолосую молодку с красивой попкой и маленькими грудками, но едва ли не в тот же момент мечтаете, как бы провести сладкую минутку со зрелой брюнеточкой, ноги у которой — словно колонны греческие, а грудь — будто штормовое море.

— То есть с брызгами пены на них? — спросил я невинно.

— Ничего вы не смыслите в искусстве, — он нахмурился, поняв, что я над ним подшучиваю. — Метафоры и сравнения суть средства языка искусства, автор же отпускает поводья фантазии, чтобы у читателя либо слушателя перед глазами отчетливо предстал образ, возникший в богатом воображении творца.

Я мог подтрунивать над Риттером, однако он был прав. Наиболее прекрасна та суша, что лишь готова возникнуть перед кораблем на горизонте, а цветы лучше пахнут в саду соседа. Повздохавши над недостатками человеческой природы, я подумал: какое счастье, что сие касается простых людей, а не слуг Господних.

Корчмарь выглянул из-за занавеса и поставил перед нами кувшин с вином.

— Может, похлебочки? — предложил радушно. — Только-только сварили: нежнейшее мяско,

ЛОВЦЫ ДУШ

подливочка, соусик. А к ней могу подать свежеевыпеченный хлебчик... Желают господа?

Я поглядел на него, не отозвавшись ни единым словом, и усмешка на толстощеком лице корчмаря медленно угасла.

— Тогда не стану вам мешать, — прошептал он и исчез за занавесом.

— А я бы что-нибудь все-таки съел... — пробормотал Риттер, наливая вино в бокалы. Рука его слегка дрожала, но он не пролил ни капли.

— *Станем есть и пить, ибо завтра умрем*¹, — произнес я ироничным тоном.

— *Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем*², — поэт был настолько при памяти, что ответил мне цитатой из Писания и, радуясь, что остроумный ответ ему удался, хлопнул себя по коленям.

Я пригубил из кубка, оценивая напиток. Вино, для своей цены, было недурственным, но быстро ударяло в голову.

По крайней мере — ударяло Риттеру, поскольку мне потребовалось бы несколько больше сего напитка, чтобы изгнать мрачные мысли, в последнее время лишь изредка меня покидавшие.

— Может, споем? — предложил Риттер, хотя язык его уже слегка заплетался. — Знаю одну провансальскую песенку...

¹ 1-е Кор. 15:32.

² Матф. 6:34.

Яцек Пекара. ЛОВЦЫ ДУШ

— Нет, — сказал я решительно. — Я слишком трезв для провансальской песенки.

Риттер беспокойно заерзал на стуле — и тот опасно скрипнул.

— А может, нам стоит пройтись по городу? — огладил он козлиную бородку.

— Хайнц, ты знаешь, сколько стоит в Аквизгране¹ хорошая шляха? — спросил я, поскольку догадывался, что у него на уме. — Цена их услуг — обратно пропорциональна состоянию моего кошелька, — добавил я.

Минуту он пытался переварить мои слова, кусая губу.

— Ну, мы могли б и поторговаться... — пожал он плечами. — А-а, вы в том смысле, что вообще нет денег?

— Гений, — подтвердил я в деланом восторге. — Истинный гений! Как вы это поняли?

— Вы как-то поосторожней бы с тратами, — сказал он, ткнув в меня указательным пальцем. — Со всем почтением, господин Маддердин, что-то денежки у вас не задерживаются... Вам надо бы доверить мне попечительство над общей кассой.

— Общей? Ха, не премину воспользоваться в будущем столь прекрасным советом, — сказал

¹ Римское название (Aquisgranum) Ахена — в нашей реальности города коронации франкских королей, а потом и императоров Священной Римской империи германской нации.

я кисло, поскольку Риттер начинал действовать мне на нервы.

Ведь такая уж была это общая касса, что я в нее вкладывал, а он — вынимал. И терпел я это лишь по одной причине. Знал, что, будь у Хайнца деньги, тот не стал бы прятать их в кошелек, а пригласил бы вашего нижайшего слугу на пьянку, не забыв и о других развлечениях. Такова уж была его щедрая натура, хотя, увы, с одной не совместна была состоятельность.

Драматург снова разлил вино по кубкам. Что ж, пили мы быстро. И я чем дальше, тем больше сердился, что выпитое совершенно на меня не действует.

— А хотите, спою вам песенку о княжне Инде, которая давала всем окрестным пастухам?

— И что же она им давала? — спросил я без интереса.

— Наилучшее из того, чем обладала, — засмеялся Риттер, поперхнулся вином и долго кашлял. Я не стал хлопать его по спине. — Плохо пошло, — прохрипел он наконец и отер мокрый рот. — Ну так что? — спросил через миг уже веселее, хотя продолжал легонько покашливать. — Об Инде? Вы быстро выучитесь припеву...

— Гвозди и терние! Откуда ж у меня столько терпения?! — рявкнул я.

— Как там бишь? — Казалось, Риттер не обращал на меня внимания. — *А плоть была как снег бела, под палкой — трепетала,* — завел он козлиным голоском.